ника сопровождается описанием следующих действией: «воздев руце свои на высоту»,[43] «великим голосом молитву вопияше»,[44] «пад на земли, моляся богу за христианы; и востав от земли, и простер руце на небо».[45] Постоянно стремясь показать себя читателю в экстатическом состоянии молящегося подвижника, Епифаний многократно повторяет и развивает такие фразеологически отстоявшиеся описания: «воздех руки мои на высоту небесную и завопел великим голосом... сице глаголюще...» (237);[46] «и воздех руце мои и возопил ко образу... глаголющи сице...» (238); «воздех руце мои на высоту небесную и завопел...» (254); «а сам воплю великим голосом к высоте небесной, глаголющи сице...» (236); «и вопиюще сице к высоте небесной великим голосом» (234); «вопел много... на высоту небесную глаголя...» (248); «возопи гласом великим» (246); «начах вопити к богородице, зря на небо...» (233); «всяко вопел ко господу» (249). Особенно усердные молитвы сопровождаются описанием следующих действий: «и ударихся о землю трою» (237), «и ударихся трою о землю» (238), «и ударихся три накона о землю» (254).

Такие экспрессивные формулы не углубляют характеристики психологических состояний автора в силу своей стереотипности, но они создают эмоционально напряженный фон его повествования. На этом фоне контрастно выделяются обращения автора к небесным силам, имеющие иной характер. В самые трудные моменты ужасных испытаний автор совсем отказывается от своего обычного «вопля» к богу и пространных риторических молитв. Когда палач подошел «с ножем и с клещами», «Аз же грешный тогда воздохнул... умиленно зря на небо, рекох сице: „Господи, помози!“» (251). Обычный «вопль» контрастно заменяется предсмертным «писком», когда бес сжал автора так, что было «не возможно ми ни дышать, ни пищать, толко смерть. И еле-еле на великую силу пропищал в тосках сице: „Николае, помози ми!“» (235). Подавленный жестоким натиском беса, автор скорбно обращается к богородице: «со слезами начах глаголати... ко образу» (235). В другой ситуации, удовлетворенный постройкой кельи, он говорит просто: «рекох ко образу сице: „Ну, свет мой...“» (233). Все эти отступления от принятого самим автором литературного образца для изображения его молитвенных состояний особенно показательны, так как они свидетельствуют о его стилистическом чутье.

Житийная литература отмечает, что молитва подвижника сопровождается также его определенным «взглядом» на предмет почитания: Евфросин Псковской, например, «возрев на небо и помолися».[47] Епифаний развивает описание такого традиционного жеста, делая его одним из средств изображения своих переживаний. Взор его попеременно обращается то к небу, то к земным предметам, вызывавшим его тревогу. Создается два различных объекта наблюдения («земля» и «небо»). Так, сообщив о пожаре кельи, автор говорит: «узрех издалеча келейцу мою... и начах вопити к богородице, зря на небо и на келию... взирая». Затем, «воздохнув, на небо зря... и идох к келии» (233). Излагая от первого лица рассказ крестьянина-охотника, автор подчеркивает, что переход от молитвенного состояния к обычному наблюдению над окружающей природой сопровождается реальной сменой объекта созерцания: «И возведох очи мои на

---

[43] Житие Никодима Кожеозерского, стр. 220—221.

[44] Повесть о Мартирие..., стр. 58.

[45] Житие Николая Мирликийского: В. Ключевский. Древнерусские жития святых..., стр. 454.

[46] См. В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., изд. 2. М., 1938, стр. 37.

[47] Повесть о Евфросине Псковском, стр. 80.